

В густых зарослях мелькнуло что-то яркое. Е Цзюньшу прищурился: точно, фазан!

Жаль, под рукой нет подходящего оружия. Поймать такую жирную и шустрюю птицу голыми руками — задача почти невыполнимая. Впрочем, он и не особо на это рассчитывал. Поймает — хорошо, нет — так он ничего и не терял. К тому же, раз птица здесь, значит, где-то рядом гнездо, а в нем могут быть яйца.

Но смотреть, как такой аппетитный кусок мяса разгуливает прямо перед носом, и ничего не предпринять? Это было выше его сил. Е Цзюньшу нагнулся и подобрал камень размером с кулак. Взвесил на руке — в самый раз, таким можно ощутимо приложить.

Затаив дыхание, он начал подкрадываться. Дикая птица оказалась на редкость бдительной: едва он сократил дистанцию, как она вскинула голову, беспокойно озираясь и переступая с лапы на лапу.

Е Цзюньшу прикинул расстояние: «Пойдет». Он прицелился и с силой метнул камень. Удар пришелся точно в цель, но силенок двенадцатилетнего тела не хватило, чтобы свалить фазана наповал.

Птица истошно заверещала, захлопала крыльями и бросилась наутек. Заметив, что раненый фазан бежит не так быстро, Е Цзюньшу кинулся в погоню. Но если птица пролетала сквозь кусты как стрела, то парню приходилось продираться сквозь колючки и ветки. Расстояние увеличивалось, добыча почти скрылась из виду, как вдруг — вж-ж-жух! — деревянная стрела прошила воздух и намертво пригвоздила фазана к земле.

Последний предсмертный крик — и птица затихла.

Е Цзюньшу поднял голову. Кусты раздвинулись, и на поляну вышел рослый, крепко сбитый мужчина. На нем была простая охотничья одежда, за поясом — нож, на плече — колчан, в руках — изогнутый лук. Смуглый, с грубоватыми чертами лица и острым, как у ястреба, взглядом.

Это был единственный в деревне охотник по фамилии Ли. Лет пятнадцать назад он пришел в эти края один, и с тех пор в свои тридцать с хвостиком так и жил бобылем. Несмотря на нелюдимость, в деревне его уважали: излишки добычи он часто продавал соседям за бесценок, а то и вовсе отдавал даром. Как говорится, доброе слово и фазану приятно, а сытому соседу — тем более.

— Дядя Ли? — Е Цзюньшу выпрямился. — Вы тоже здесь?

Едва спросив, он почувствовал себя дураком. Охотник в лесу — ну чем он еще может заниматься, кроме охоты? От мужчины за версту несло свежей кровью, видать, улов сегодня знатный.

Чуть поодаль Е Цзюньшу заметил целую гору добычи: кролики, птицы и даже косуля. Видимо, Ли слышал шум, бросил вещи и прибежал на подмогу.

Охотник подошел ближе, окинул парня оценивающим взглядом и спросил в лоб:

— А ты что здесь забыл?

— Ищу, чем бы подкрепиться, — честно ответил Е Цзюньшу.

О его ситуации знала вся деревня, так что юлить смысла не было.

Ли не стал расспрашивать дальше. Глянул в корзину за спиной парня и бросил:

— Не ходи в чашу один. Затем нагнулся и подобрал того самого фазана.

— Я понял, дядя Ли, — послушно отозвался Е Цзюньшу. Он понимал, что охотник беспокоится о его безопасности, и ничуть не обиделся, что тот забрал добычу себе. В конце концов, если бы не стрела, птица бы давно удрала.

Глядя, как Ли нагружает на себя гору тушек, парень засомневался: предложить помощь? А вдруг тот подумает, что он напрашивается на долю? Посмотрев на свои тонкие руки и на Ли, который даже под таким весом шагал легко и уверенно, Е Цзюньшу вздохнул. С него и собственной корзины хватит.

Они вместе начали спускаться. Е Цзюньшу едва поспевал за охотником, с восхищением думая: «Вот это школа! Настоящий профи. Интересно, если попроситься в ученики, он согласится?..» Ставить силки — это одно, а владеть телом и оружием — совсем другое. Вот бы выучить пару приемов, и для здоровья полезно, и для защиты.

Ли знал лес как свои пять пальцев. Он проигнорировал метки Е Цзюньшу и повел его какими-то только ему известными тропами. Скоро деревья расступились, открывая вид на деревню.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая всё вокруг в теплые золотисто-багряные тона. Старые крыши домов, дым из труб, извилистая речушка, блестящая на свету, как серебряная лента... Вид был настолько сказочным, что Е Цзюньшу замер в восхищении. Ли же шел не оборачиваясь — для него эта красота давно стала привычным фоном.

На развилке у подножия пришло время прощаться. Дом Ли стоял особняком, подальше от людей, а дом Е Цзюньшу — на самой окраине деревни.

Только парень открыл рот, чтобы попрощаться, как ему в руки ткнули что-то тяжелое и пернатое. Е Цзюньшу оторопел:

— Дядя Ли... Это же ваша добыча! Я не могу взять!

Ли и не думал забирать птицу обратно. Коротко отрезал: — Бери.

— Дядя Ли, вы же знаете нашу ситуацию. Нам сейчас нельзя есть мясо, по закону не положено. Возьмите назад! — Е Цзюньшу ведь хотел поймать фазана только ради Мин-аму, в благодарность за помощь, а не для себя.

В семье траур. По деревенским меркам — год без мяса, вина и веселья. Полный траур длится три года, но обычно на второй-третий год запреты смягчаются. Аму не стало три месяца назад, отца — меньше месяца. Им еще долго нельзя было притрагиваться к мясу.

— Дали — значит, сам решаешь, что с ней делать, — бросил Ли и зашагал по своей тропе. Отойдя на пару шагов, он обернулся: — Соберешься в горы — скажи мне, пойдём вместе. — Он помолчал и добавил: — Если с тобой что случится, твоей семье больше не будет.

Сказал — и исчез в сумерках.

Е Цзюньшу пробрало до костей. А ведь Ли прав. Если с ним что-то случится, его старшему

брату всего восемь лет. Как они выживут? Он был слишком самонадеян. Лес, который боятся даже взрослые мужики, не прощает ошибок. Хватит ли ему удачи в следующий раз? «Я — опора этого дома. Я не имею права рисковать собой».

Но как тогда заработать? Без риска нет большой прибыли... Тяжело вздохнув, с ворохом мыслей в голове он побрел к дому.

У ворот он услышал детский смех и крики. Мгновенно усталость как рукой сняло. Е Цзюньшу выпрямился, толкнул дверь и уверенно вошел во двор.

Во дворе всю кипела жизнь. Е Цзюньчжи азартно играл с Цинь-гэром в догонялки, а Лу-гэр, устроившись на маленькой скамеечке рядом с Мин-аму, замороженно наблюдал, как тот привычными движениями подшивает подошву. Сяо Шань же с предельно серьезной миной «сторожил» близнецов: стоило кому-то из карапузов доползти до края циновки, как он тут же разворачивал их обратно. Атмосфера была на редкость уютной.

На скрип ворот первым среагировал Лу-гэр. Он сорвался с места и бросился к старшему брату с сияющими глазами:

— Брат! Ты вернулся!

Е Цзюньчжи тоже заметил вошедшего. Он подхватил Цинь-гэра в охапку и подбежал следом: — Брат Цзычжоу, ну как там? В горах весело? В следующий раз возьми меня с со... Ой! — Договорить он не успел: Мин-аму отвесил ему легкий подзатыльник.

— Ишь чего удумал! Брат в горы по делу ходил, а не ляды точить! — После чего Мин-аму мягко спросил уже Е Цзюньшу: — Чжоу-цзы, с возвращением. В лесу всё спокойно было?

Сяо Шань тоже рвался к брату, но близнецы, завидев суету, начали активнее штурмовать границы циновки. Мальчику пришлось остаться на посту и удерживать двух егоз, хотя он то и дело бросал на старшего нетерпеливые и радостные взгляды.

Е Цзюньшу по очереди погладил детей по головам и ответил Мин-аму:

— Всё в порядке. На обратном пути встретил дядю Ли, мы вместе спустились. Кстати, он отдал мне фазана, и я решил «передарить» его вам, Мин-аму. Надеюсь, примете подношение, — с этими словами он выудил из корзины птицу.

Бедный фазан за время пути успел изрядно помять дикую зелень в корзине.

— Ну что ты за ребенок! Ли сказал «бери», и ты взял? А ну неси обратно! — Мин-аму неодобрительно нахмурился. Одно дело, если бы семья Чжоу-цзы могла сама съесть это мясо, но отдавать его соседу?

Е Цзюньшу решительно протянул птицу, не давая шанса на отказ:

— Дядя Ли настоял. Даже если я принесу её назад, он не примет. Мин-аму, возьмите, прошу вас. Иначе мясо просто протухнет, такая жалость будет! К тому же, я тоже приложил руку к поимке этого красавца, — ну, в каком-то смысле это была правда: нашел-то его он первым, так что совесть была чиста. — Если вы откажетесь, я в следующий раз просто побоюсь просить вас о помощи!

Мин-аму призадумался и в итоге сдался. Приняв фазана, он похлопал Е Цзюньшу по плечу:

— Ну ладно, на этот раз возьму. Но чтобы впредь такого не было!

Е Цзюньшу лишь загадочно улыбнулся, ничего не пообещав.

Мин-аму начал собирать иголки и нитки:

— Ну, я тогда домой. Печь я тебе уже растопил, на столе в кухне оставил два кочана капусты — свежую в огороде срезал. Да, и завтра утром я буду парить манты, так что завтрак не готовь, я сам занесу.

— Хорошо, — кивнул Е Цзюньшу. Он понимал: начни он сейчас спорить, Мин-аму точно не возьмет дичь.

Поскольку подарок был принят, Мин-аму нужно было поскорее вернуться и заняться тушкой. Он подхватил свою корзинку и позвал сына домой. Но Е Цзюньчжи, только вошедший во вкус игры, уходить наотрез отказался. Видя это, Мин-аму махнул рукой и ушел один.

<http://bllate.org/book/15226/1343719>